

ЦИФРОВИЗАЦИЯ DIGITALIZATION

Оригинальная статья/ Original article

Новые правила для конкурентной политики в отношении цифровых платформ: сравнительный анализ (Россия, США, Китай, ЕС)¹

© С.В. ГОЛОВАНОВА, Д.В. КОРНЕЕВА., С.А. ЗАЯЦ

Голованова Светлана Викторовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия), svgolovanova@hse.ru. ORCID: 0000-0001-6876-3950

Корнеева Дина Владиславовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия), dkorneeva@hse.ru. ORCID: 0000-0001-9387-9373

Заяц Софья Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (Нижний Новгород, Россия), szayats@hse.ru. ORCID: 0009-0003-9306-5988

Описаны особенности цифровых платформ, которые становятся причиной опасений в связи с их влиянием на конкуренцию. Проанализированы уязвимости традиционного антимонопольного законодательства применительно к цифровым платформам. Цель исследования – охарактеризовать и сопоставить действующие и находящиеся в разработке законы, которые станут основой конкурентной политики в отношении цифровых платформ в США, ЕС, КНР и РФ. Сопоставлены российские нормы, регулирующие действия цифровых платформ, с новым зарубежным законодательством.

Ключевые слова: цифровые платформы, инструменты конкурентной политики, антимонопольное законодательство

Цитирование: Голованова С.В., Корнеева Д. В., Заяц С.А. (2023) Новые правила для конкурентной политики в отношении цифровых платформ: сравнительный анализ (Россия, США, Китай, ЕС) // Общественные науки и современность. № 5. С. 73–86. DOI: 10.31857/S0869049923050064, EDN: MQGZZE.

¹ Благодарность. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Авторы также благодарят ФЭН НИУ ВШЭ за финансовую поддержку студентов и аспирантов в научных подразделениях факультета.

Acknowledgement. The study was performed in the frame of the HSE Programme of fundamental research. The authors express gratitude to the HSE Faculty of Economics for financial aid to students and postgraduates of the scientific units of the Faculty.

New Guidelines for Digital Platform Competition Policy: A Comparative Analysis (Russia, USA, China, EU)

© S. GOLOVANOVA, D. KORNEEVA, S. ZAYATS

Svetlana V. Golovanova, HSE University in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), svgolovanova@hse.ru. ORCID: 0000-0001-6876-3950

Dina V. Korneeva, HSE University in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), dkorneeva@hse.ru. ORCID: 0000-0001-9387-9373

Sophia A. Zayats, HSE University in Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia), szayats@hse.ru. ORCID: 0009-0003-9306-5988

Abstract. The characteristics of digital platforms are described. The analysis of the difficulties in applying traditional approaches to digital platforms is provided. The goal is to characterize and compare the existing and draft laws that will serve as the cornerstone of competition policy for digital platforms in the United States, the European Union, China, and Russia. The question of whether there are differences between Russian legislation regulating the activity of digital platforms and new foreign laws is answered.

Keywords: digital platforms, competition policy, antitrust enforcement

Citation: Golovanova S., Korneeva D., Zayats S. (2023) New Guidelines for Digital Platform Competition Policy: A Comparative Analysis (Russia, USA, China, EU). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 73–86. DOI: 10.31857/S0869049923050064, EDN: MQGZZE.

Развитие новых форм бизнес-моделей – многосторонних технологических платформ и экосистем – порождает новые рынки и преобразует уже существующие. По прогнозу экспертов международной консалтинговой фирмы McKinsey (Нью-Йорк, США), уже к 2025 г. на цифровые экосистемы придется до 30% глобального ВВП². Учитывая растущее влияние цифровых платформ (ЦП) на жизнь общества (упрощение бизнес-процессов, создание рабочих мест³ и др.), регулирующие органы многих стран пристально наблюдают за цифровыми рынками и их участниками. Развитие ЦП, с одной стороны, порождает новые экономические возможности. С другой стороны, их распространение при определенных условиях способствует появлению акторов с доминирующим положением на цифровом рынке, что может привести к злоупотреблениям и ограничению конкуренции в данной сфере⁴. Способы ограничения конкуренции на традиционных односторонних рынках товаров и услуг хорошо известны, однако подходы к выявлению антиконкурентных практик в отношении многосторонних платформ еще не до конца определены.

По мнению большинства экспертов, традиционное антимонопольное законодательство не предотвращает злоупотребление доминирующим положением со стороны крупных платформ и не обеспечивает эффективный контроль слияний и поглощений, поскольку оно не учитывает особенности бизнес-модели многосторонних платформ [Авдашева, Юсупова, Корнеева 2022]: сетевые эффекты, многосторонность, роль относительных цен

² Insurance beyond digital: The rise of ecosystems and platforms. McKinsey & Company. January 10, 2018. (<https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/insurance-beyond-digital-the-rise-of-ecosystems-and-platforms>).

³ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. Министерство экономического развития Российской Федерации. (https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyh_platform_i_ekosistem/).

⁴ Экономический разговор. (<https://econs.online/>).

и информации, др. Развитие бизнес-моделей опережает подготовку антимонопольного правоприменения, поэтому антимонопольные запреты для ЦП не эффективны: вынесенные решения не актуальны уже в момент их принятия.

В результате повышается актуальность разработки новых правовых норм в отношении ЦП, которые устраняют недостатки традиционных подходов. Процесс осложняют противоречия в оценках того, насколько эффективно действуют по отношению к ЦП инструменты конкурентной политики.

Во многих странах мира, как и в России, ускоряется процесс законотворчества, направленный на совершенствование конкурентного законодательства. Среди таких инициатив:

1. Пятый антимонопольный пакет Российской Федерации (Проект ФЗ № 160280-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (в части совершенствования антимонопольного регулирования «цифровых» рынков), закон подписан Президентом РФ 10 июля 2023 г. и вступил в силу 1 сентября 2023 г.⁵), далее – Пятый пакет.

2. Закон о цифровых рынках Европейского союза (Digital Market Act, вступил в силу в 2022⁶), далее – DMA.

3. Антимонопольный закон Китая, дополненный поправками (Anti-Monopoly Law, поправки вступили в силу в 2022⁷), далее – AML.

4. Пять законопроектов США: проект закона об онлайн-инновациях и выборе в Интернете, США (American Innovation and Choice Online Act, H.R. 3816⁸, размещен в Union Calendar No. 475), далее – AICOA; проект закона об окончании монополий платформ, США (Ending Platform Monopolies Act, H.R.3825⁹, постановлено внести изменения в 2021 г.), далее – EPMA; проект закона о конкуренции и возможностях платформ, США (Platform Competition and Opportunity Act, H.R.3826¹⁰, постановлено внести изменения в 2021 г.), далее – PCOA; проект закона о модернизации сборов за подачу документов о слиянии, США (Merger Filing Fee Modernization Act, H.R.3843¹¹, получен в Сенате в 2022 г.), далее – MFFMA; проект закона о повышении совместимости и конкуренции путем обеспечения возможности переключения услуг, США (Augmenting Compatibility and Competition by Enabling Service Switching Act, S. 4309¹², внесен на рассмотрение в 2022 г.), далее – ACCESS.

5. Антимонопольное руководство для платформенной экономики Китая (Antitrust Guidelines on Platform Economy)¹³, дата вступления в силу: 7 февраля 2021 г.), далее – Руководство.

⁵ Законопроект № 160280-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции». Система обеспечения законодательной деятельности. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/160280-8>).

⁶ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) (Text with EEA relevance). EUR-Lex. (<http://data.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj>).

⁷ 习近平在北京河北考察灾后恢复重建工作时强调再接再厉抓好灾后恢复重建确保广大人民群众安居乐业温暖过冬. The National People's Congress of the People's Republic of China. (<http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202206/e42c256faf7049449cdfaafb374a3595.shtml>).

⁸ H.R.3816 – American Innovation and Choice Online Act. Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3816/>).

⁹ H.R.3825 – Ending Platform Monopolies Act Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3825/>).

¹⁰ H.R.3826 – Platform Competition and Opportunity Act of 2021. Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3826/>).

¹¹ H.R.3843 – Merger Filing Fee Modernization Act of 2022. Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/3843/>).

¹² S. 4309 – ACCESS Act of 2022. Congress.gov. (<https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4309/>).

¹³ 国务院反垄断委员会关于平台经济领域的反垄断指南. State Administration for Market Regulation. February 07, 2021. (https://gkml.samr.gov.cn/nsjg/fldj/202102/t20210207_325967.html).

6. Разработанные в России Принципы взаимодействия участников цифровых рынков¹⁴ (дата утверждения: 22 сентября 2021 г.), далее – Принципы.

7. Принятый в Российской Федерации ФЗ от 29 декабря 2022 г. № 584-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁵.

Перечисленные законопроекты повлияют не только на развитие самих ЦП, но и на рынки, которые функционируют в связке с ними (геолокация, контекстная реклама и др.). Использование ЦП определяет эффективность малого и среднего предпринимательства (МСП). Компании предоставляют готовые решения для онлайн-взаимодействия с потребителями¹⁶, а в ряде случаев ЦП способны определять поведение граждан (на данный факт обращают внимание разработчики Принципов). ЦП приобретает важное значение в современном мире, поэтому так необходимо оценить и сравнить законодательные акты разных стран, посвященные антимонопольным запретам в отношении данных объектов.

Цель статьи – охарактеризовать и сопоставить принятые и находящиеся в разработке законы, которые станут основой конкурентной политики в отношении ЦП в США, ЕС, КНР и РФ. Будет рассмотрено, как новые законодательные акты определяют объект применения запретов или регулирующих норм, как содержание законодательных актов отражает угрозы для конкуренции. Также будут систематизированы основные направления критики в адрес принятых законов и разработанных законопроектов.

В первой части исследования описаны особенности ЦП, которые вызывают опасения из-за их возможного влияния на конкуренцию. Кроме того, кратко охарактеризованы уязвимости применения традиционного антимонопольного законодательства к ЦП. Вторая часть посвящена межстрановому сравнению перечисленных документов. Результаты сравнения обобщены в заключении.

Характеристика и особенности цифровых платформ, определяющие их влияние на конкуренцию

ЦП – это бизнес-модели, которые обеспечивают потребителям и поставщикам возможность вступать в контакт и производить обмен продуктами, услугами и информацией¹⁷. Экосистема – это совокупность сервисов (в т. ч. платформенных решений) одной группы компаний или компании и партнеров, которые позволяют пользователям получать широкий круг продуктов и услуг в рамках бесшовного интегрированного процесса¹⁸.

Ключевая характеристика платформ и основа этой бизнес-модели – сетевые эффекты: как зависит полезность от использования сервиса платформы для каждого конкретного

¹⁴ ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ЦИФРОВЫХ РЫНКОВ. Федеральная антимонопольная служба. 17 февраля 2022 г. (<https://fas.gov.ru/p/protocols/1666>).

¹⁵ Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 584-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Гарант.ру. 30 декабря 2022. (<https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1593942/>).

¹⁶ Роль потребительских цифровых платформ и экосистем в российской экономике. Аналитический отчет. АНО «Цифровая экономика». Ноябрь 2022. (https://files.data-economy.ru/Docs/Otchet_7.pdf).

¹⁷ Концепция государственного регулирования цифровых платформ и экосистем. Министерство экономического развития Российской Федерации. (https://www.economy.gov.ru/material/departments/d31/koncepciya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/).

¹⁸ ЭКОСИСТЕМЫ: ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ. Доклад для общественных консультаций. Банк России. Апрель 2021 года. (http://www.cbr.ru/content/document/file/119960/consultation_paper_02042021.pdf).

пользователя от численности пользователей на той же или другой стороне платформы [Tucker 2019; Шаститко, Маркова 2019]. Когда эффекты масштаба в потреблении положительны, они обуславливают быстрый рост компаний. Сетевые эффекты могут служить барьером для входа на рынок новых игроков, однако из-за динамизма и инновационности цифровых рынков такое положение дел не гарантировано (например, миграция пользователей на Facebook¹⁹ с MySpace выступает примером негативного сетевого эффекта для последнего) [Коваленко 2016].

Важный фактор успеха платформы – способность правильно определить ценовую стратегию в отношении разных групп пользователей. Платформа нередко субсидирует одну из сторон (устанавливает нулевую цену), за счет положительного перекрестного эффекта привлекая пользователей на другой стороне, которые становятся для нее источником дохода. Услуги платформы на «бесплатной стороне» оплачиваются не деньгами, а вниманием аудитории [Шаститко, Моросанова, Маркова 2022]. В результате пропадает прямая зависимость между ценой и издержками [Jenny 2021]. В случае предоставления бесплатной услуги платформы конкурируют друг с другом за счет ее качества и инновационности.

Платформы оперируют большим объемом персональных и не персональных данных, которые могут играть одновременно несколько ролей: быть стратегическим активом для принятия решений и укрепления позиции на рынке (например, Facebook учел результаты исследования об использовании мобильных приложений, принимая решение о приобретении компании²⁰); быть сопутствующим результатом деятельности, который с помощью алгоритмов по сбору, обработке и анализу данных позволяет персонализировать взаимодействие с пользователями; выступать неценовым параметром конкуренции при соблюдении конфиденциальности данных и др. [Jenny 2021]. Большие массивы данных представляют собой ключевое преимущество платформы. Владение ими упрощает разработку стратегий выхода на новые рынки и расширяет возможности диверсификации с учетом накопленного опыта [Розанова 2021].

Из-за сочетания сетевых эффектов с практически нулевыми предельными издержками владения данными и алгоритмами их обработки необходимо адаптировать инструменты конкурентного анализа к особенностям ЦП.

Несовершенство традиционного антимонопольного законодательства с точки зрения его применения в отношении ЦП

Платформы-лидеры заинтересованы закрепить свое доминирующее положение и установить дополнительные барьеры для входа на рынок других игроков. Некоторые наиболее резонансные дела перечислены ниже.

Google злоупотреблял доминирующим положением на рынке магазинов мобильных приложений, ограничивая предустановки альтернативных приложений. Собственный магазин компании Google Play Market был связан с ОС Android, что было закреплено в договорах с производителями мобильных устройств. В результате сформировались барьеры входа, ослабили возможные конкурентные преимущества других участников рынка и сузился выбор для потребителя [Авдашева, Юсупова, Корнеева

¹⁹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией в РФ.

²⁰ Note by Damian Collins MP, Chair of the DCMS Committee. Summary of key issues from the Six4Three files. (<https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/culture-media-and-sport/Note-by-Chair-and-selected-documents-ordered-from-Six4Three.pdf>).

2022; Юсупова 2016]. ФАС РФ²¹ и Европейская комиссия²² признали такие действия незаконными.

Китайская компания Tencent сделала свой цифровой продукт несовместимым с продуктом конкурента Qihoo 360, заставив пользователей выбирать между ними (практика «choose one from two»). В результате Qihoo 360 потеряла 10% своих пользователей всего за 48 часов²³. Верховный народный суд КНР (Supreme People's Court) встал на сторону Qihoo 360 в 2013 г. В 2021 г. корпорации Alibaba²⁴ и Meituan²⁵ оштрафовали за ту же практику на рекордные для китайской платформенной экономики 2,8 и 533,5 млрд долл. Исключающие условия договоров считаются одним из наиболее распространенных способов злоупотребления доминирующим положением на цифровых рынках в Китае [Wu 2022].

Дело против сервиса онлайн-бронирования отелей Booking.com выступает примером предотвращения вертикальных соглашений, которые ограничивают конкуренцию. В договорах с партнерами был включен пункт, который запрещал отелям предлагать свои услуги бронирования на других каналах по цене ниже, чем на Booking.com. Устанавливался широкий и узкий паритет цен, который исключал риск ценовой конкуренции как с другими платформами, так и с собственными сайтами отелей, вследствие чего потенциальные конкуренты находились в заведомо проигрышной позиции [Авдашева, Юсупова, Корнеева 2022; Ерофеева, Котова, Позднякова 2019; Дзагурова, Тихонова 2021]. В Германии и ряде других европейских стран (Италии, Франции и др.) наложили запрет на закрепление паритета цен в соглашениях Booking.com [Дзагурова, Тихонова 2021].

Анализируя ЦП, антимонопольные органы сталкиваются с трудностями при определении продуктовых границ рынка, квалификации доминирующего положения, расчете доли рынка или коэффициента концентрации, оценке рыночной власти и др. [Jenny 2021]. Традиционные методы определения продуктовых границ рынка не подходят для платформ. Например, тест гипотетического монополиста в традиционной форме, не учитывающий сетевые эффекты, может слишком узко или слишком широко определить рынок. В случае предоставления услуг по нулевой цене его нельзя применять вовсе [Pontual Ribeiro, Golovanova 2020]. Без корректного определения границ рынка невозможно сделать вывод о рыночной доле и доминировании платформы. К существующим показателям концентрации следует относиться критически в силу инновационного характера ЦП, из-за которого их рыночная доля может меняться очень быстро. Можно сказать, что сложилась конкуренция «за рынок» (а не «на рынке»), которую сложно измерить. С этими и другими сложностями сталкивается антимонопольное правоприменение в отношении ЦП.

Отдельной проблемой также выступает высокий динамизм рынков, который влияет на актуальность решений и предписаний антимонопольных органов в отношении ЦП. На принятие таких актов требуется время – в результате даже правильный запрет или штраф уже не сможет спасти конкурентов, которым платформа мешала войти на рынок.

²¹ Решение № АД_54066_15. Федеральная антимонопольная служба. (https://br.fas.gov.ru/generate_pdf/cb7f3315-ce72-4d4c-80b3-6fd2c41ced32/).

²² ANTITRUST PROCEDURE Council Regulation (EC) 1/2003. European Commission. 18/07/2018. (https://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/dec_docs/40099/40099_9993_3.pdf).

²³ Qihoo v. Tencent: economic analysis of the first Chinese Supreme Court decision under Anti-Monopoly Law. CRA. February 2015. (https://media.crai.com/wp-content/uploads/2020/09/16163853/China-Highlights-Qihoo-360-v-Tencent-0215_0.pdf).

²⁴ China Fines Alibaba \$2.8 Billion in Landmark Antitrust Case. The New York Times. April 9, 2021. (<https://www.nytimes.com/2021/04/09/technology/china-alibaba-monopoly-fine.html>).

²⁵ China Fines Meituan \$530 Million in End to Antitrust Probe. Bloomberg. 8 октября 2021 г. (<https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-08/food-delivery-giant-meituan-gets-530-million-antitrust-fine>).

Трудности возникают и при анализе ограничивающих конкуренцию практик экосистем. Они представляют собой сообщество компаний, объединенных не имущественными связями, а инструментами внутреннего управления. Определить их положение на рынке сложно. Полезность для конечных пользователей экосистемы меняется в зависимости от состава входящих в нее платформ [Шаститко, Курдин, Филиппова 2023]. Доля рынка экосистемы, независимо от способа вычисления, также основана на этом параметре. В результате ориентироваться на долю рынка доминирующей экосистемы как на показатель ее рыночной власти нельзя, потому что в будущем доля рынка совершенно иного набора услуг другой экосистемы может ее превзойти [Jenny 2021].

Очевидно, что необходимо выработать критерии регулирования деятельности ЦП и механизм обеспечения защиты прав на информацию [Коваленко 2016]. Важно учитывать типологию платформ при определении продуктовых границ рынков, а также дополнить правовые нормы понятиями «сетевые эффекты», «платформа» [Шаститко, Маркова 2020] и др. Осознание потребности в подобных действиях мотивировало на разработку новых законов, которые должны стать основой конкурентной политики в отношении ЦП. В следующей главе авторы сравнивают принятые и разрабатываемые правовые акты Европейского союза, США, Китая и России с учетом возможных изменений в инструментах регулирования данной сферы.

Сравнительный анализ законодательства в отношении ЦП в РФ, США, КНР и ЕС

С одной стороны, из-за глобального характера бизнеса большинства ЦП сходство подходов к их регулированию в разных юрисдикциях позволило бы: снизить затраты на соблюдение законодательств разных стран, ослабить распространение протекционистской политики в отношении платформ, исключить экстерриториальные последствия. Последствия возникают в случае антиконкурентных действий или соглашений, совершенных или достигнутых за пределами некоторой национальной юрисдикции, если такие соглашения (действия) негативно влияют на состояние конкуренции на внутренних рынках [Schnitzer, Cr  mer, Crawford et al. 2021].

С другой стороны, отличие в подходах к регулированию цифровых рынков вообще и конкурентной политике в частности обусловлено особенностями национальных рынков, потребностями и интересами законодателей и регулирующих органов. С деглобализацией и возможностью изоляции (даже частичной) Интернета в пределах национальных границ исчезает стимул для международного взаимодействия: первостепенной целью становится обеспечение благосостояния в пределах национальной экономики, а не во всем мире.

Примером первого сценария можно назвать предложения, выдвинутые в США (ACCESS, EPMA) и ЕС (DMA), которые при определении объектов регулирования учитывают характеристики платформ и запрещают определенные практики [Schnitzer, Cr  mer, Crawford et al. 2021]. Например, цель DMA – содействовать большей открытости цифровых рынков, ограничивая возможность доминирующих платформ влиять на конкуренцию.

По обе стороны Атлантического океана в центре внимания регуляторов находятся крупные платформы. При анализе деятельности таких компаний используют как традиционные критерии (рыночная капитализация или оборот компании), так и специфичные для цифровых рынков (например, количество пользователей). Такой подход частично решает проблему определения границ рынка, расчета рыночных долей и оценки влияния платформы на рынок. Понятие «привратник» в DMA заменяет квалификацию доминирующего положения. Привратником выступает крупная ЦП, которая предоставляет одно

или несколько «базовых платформенных решений» (к ним относят поисковые системы, социальные сети, видеохостинги и другие виды услуг, в зависимости от типологии платформы). Учитываются и количественные критерии (предоставление услуг более чем 45 млн активным конечным пользователям в месяц и не менее чем 10 тыс. активным бизнес-пользователям ежегодно в ЕС), что ускоряет идентификацию платформ-привратников. Данный фактор важен при принятии решений в отношении динамических цифровых рынков. По той же причине в DMA анализ характеристик потенциального привратника должен учитывать потенциальную возможность получить доминирующее положение на рынке в короткие сроки. Таким образом DMA сочетает традиционное ex-post воздействие (по факту совершения недозволенных действий) с ex-ante (выявление привратников до начала антимонопольного расследования) [*Schnitzer, Cr  mer, Crawford et al.* 2021].

Концепция привратников позволяет избежать анализа соотношения между целевыми рынками и границами экосистемы. В таком смысле понимание привратников как операторов, способных влиять на конкуренцию на смежных рынках, соответствует концепции ключевых мощностей, которую часто используют в отношении естественных монополий на традиционных рынках: объектом применения становится именно «конкурентное бутылочное горлышко» («bottleneck») [*Голованова* 2013].

Европейские и американские (AICOA) законопроекты практически дублируют некоторые положения друг друга – например, о запрете приоритизации собственных товаров/услуг («self-preferencing») или закреплении возможности удалять предустановленные приложения.

В свете того, что разрушительные (disruptive) инновации способны уничтожить основу монополии доминирующей платформы, правовые инициативы США (ACCESS) и ЕС предусматривают возможность для потребителей переносить свои пользовательские данные к более инновационным (а значит, ценным) участникам цифрового рынка [*Monti* 2022].

Обе юрисдикции поднимают вопрос контроля над сделками концентрации, однако предлагаемые ими подходы различны. PCOA предусматривает презумпцию незаконности любого слияния или поглощения платформой независимо от размера приобретаемой компании. Бремя доказывать, что сделка не угрожает конкуренции, в такой ситуации будет переложено на стороны слияния. Им также предлагают запретить использовать аргумент, что вред, нанесенный конкуренции, будет компенсирован повышением качества или полезности. Если эта инициатива вступит в силу, возникнут существенные барьеры для слияния крупных платформ с мелкими. MFFMA предлагает повысить регистрационные сборы для крупных сделок слияния, что увеличит бюджет антимонопольных органов США для выполнения их программ.

DMA не содержит аналогичных предложений и не меняет порядок согласования сделок экономической концентрации, действующий в ЕС. Однако DMA не игнорирует вопрос контроля и обязывает привратников уведомлять Европейскую комиссию перед заключением сделки экономической концентрации с участием любого другого поставщика цифровых услуг²⁶. Примечательно, что до сих пор специальному согласованию подлежали только слияния между двумя достаточно крупными участниками, а не между крупным и любым.

Второго сценария придерживается Китай, политика которого характеризуется закрытостью и противодействием международной конкуренции ЦП. Данные особенности выражены в проекте «Золотой щит» («Golden Shield», «Firewall»), который действует с 2008 г.

²⁶ New Antitrust Tools for the Digital Economy in China and the EU – a Comparative view of the Platform Antitrust Guidelines in China and the Digital Markets Act in the EU. Clifford Chance. 5 October 2022. (<https://www.cliffordchance.com/briefings/2022/10/new-antitrust-tools-for-the-digital-economy-in-china-and-the-eu-.html>).

Он не позволяет пользователям из Китая посещать многие зарубежные Интернет-ресурсы, блокируя их, что защищает национальные платформы и способствует их росту [Chandel et al. 2019]. В Китае действуют отечественные аналоги западных платформ: WeChat, Weibo и Baidou вместо WhatsApp, Facebook и Google.

В поправках к AML китайский регулятор уделил внимание роли данных. Злоупотребление использованием данных, алгоритмов и технологий рассматривается как отдельный тип злоупотребления доминирующим положением (Статья 22). Новые типы злоупотребления в то же время не добавляют – вместо этого перечислены общие принципы, которые позволят поддерживать конкуренцию в цифровой среде²⁷.

Помимо AML, в Китае действует соответствующее Руководство. Оно было разработано нетипично быстро для китайского аппарата, что свидетельствует о срочном усилении мер конкурентной политики в отношении платформ²⁸. Оставаясь в рамках нормативной базы AML и учитывая отраслевые особенности, документ вносит уточнения для помощи в принятии решений в области экономики платформ²⁹ [Dufková 2022]. В Статье 15 запрещается практика «выбор одного из двух» («choose one from two»). Ее признают злоупотреблением эксклюзивными сделками в том случае, если были наложены ограничения или карательные меры (сокращение трафика, понижение рейтинга и т. д.), которые наносят ущерб рынку и потребителям. Так законодатели конкретизируют традиционный для антимонопольного законодательства запрет на исключаящие условия договора для продавца, который занимает доминирующее положение.

Во-вторых, Руководство в Статье 18 впервые закрепляет право SAMR контролировать сделки экономической концентрации с участием VIE-структур (компании с переменной долей участия («variable interest enterprise»)) – посредники для иностранцев, желающих вложить деньги в акции китайских компаний) и одобрять их, если они соответствуют пороговым значениям³⁰. VIE-структуры широко распространены, так как открывают возможность обойти запрет на иностранные инвестиции в интернет-индустрию Китая. Благодаря им китайские компании могут получать финансирование или листинг из-за рубежа: почти все крупные интернет-компании Китая (Alibaba, JD.com, Baidu и др.) стали публичными в США через VIE-структуры³¹. Тем самым расширяются возможности SAMR влиять на условия сделок слияний вне зависимости от формы их организации.

В-третьих, впервые китайские антимонопольные правила упоминают и запрещают так называемые веерные соглашения, которые ограничивают конкуренцию между компаниями при отсутствии непосредственной договоренности между ними («hub-and-spoke» – условия распространения товаров или услуг, которые предотвращают конкуренцию между продавцами: в центре («hub») находится платформа, которая включает в себя «спицы» («spoke») – продавцов). В таком случае действия антимонопольных органов подпадают под существующие рамки AML (Статьи 13–14)³². Следует отметить, что веерные согла-

²⁷ Antitrust Chronicle® – Bid Rigging. CPI. (<https://www.competitionpolicyinternational.com/>).

²⁸ Антимонопольное регулирование в КНР. Аналитическая записка К8/02/2022. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. (<https://cseis.hse.ru/data/2022/02/05/1761552622/Антимонопольное%20регулирование.pdf>).

²⁹ Antitrust Chronicle® – Bid Rigging. CPI. (<https://www.competitionpolicyinternational.com/>).

³⁰ Антимонопольное регулирование в КНР. Аналитическая записка К8/02/2022. ЦКЕМИ НИУ ВШЭ. (<https://cseis.hse.ru/data/2022/02/05/1761552622/Антимонопольное%20регулирование.pdf>).

³¹ The Risks of China's Internet Companies on U.S. Stock Exchanges. U.S.-China Economic and Security Review Commission Staff Report. Original Publication: June 18, 2014. (<https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/The%20Risks%20of%20China%E2%80%99s%20Internet%20Companies%20on%20U.S.%20Stock%20Exchanges%20-%20with%20Addendum.pdf>).

³² Antitrust Chronicle® – Bid Rigging. CPI. (<https://www.competitionpolicyinternational.com/>).

шения часто затрагивают использование алгоритмов: например, платформы-агрегаторы такси соединяют водителей с пассажирами благодаря алгоритму, из-за чего клиенты не могут сами выбирать водителя или определять стоимость поездки, что устраняет конкуренцию между водителями³³. Конкретные способы решения проблемы всерных соглашений в законодательстве не приведены, их упоминание сигнализирует о том, что подобные соглашения следует контролировать строже.

Если антимонопольная политика в цифровом секторе в Китае была сформирована под воздействием ускорения конкуренции и технологического разделения между КНР и США, то в РФ процесс форсировали западные санкции 2014 [*Remington, Qian, Avdasheva* 2022] и ограничения 2022 г., которые значительно повлияли на цифровой сектор. После отключения карт российских пользователей от SWIFT зарубежные маркетплейсы уступили место российским. По решению федеральных органов исполнительной власти был заблокирован доступ к Facebook³⁴ и Instagram³⁵, а отдельные ЦП (например, Youtube³⁶, принадлежащий Google) добровольно ограничили свою деятельность.

В России примерно одновременно с китайским Руководством были опубликованы Принципы, направленные на создание условий для саморегулирования участников цифрового рынка. Документ не обладает нормативным действием³⁷, но несоблюдение его положений «может содержать признаки нарушения антимонопольного законодательства» РФ. Документ подписали руководители ФАС и представители компаний «Авито», VK, «Сбербанк», «Циан», «Яндекс» и др. Похожую практику применяют в Китае: после утверждения Руководства и наложения штрафов на Alibaba и Meituan SAMR организовал встречу с 34 интернет-корпорациями и призвал их самостоятельно устранить «антиконкурентные приемы»³⁸. Данные методы, как и распространенные в РФ предписания в отношении ЦП, направлены в первую очередь на предупреждение нарушений. Российские и китайские антимонопольные органы хотят конкретизировать разграничения законного и незаконного поведения, опираясь на компетенции отраслевых экспертов и компаний – то есть используя «мягкое» право.

Принципы направлены на обеспечение понятных и прозрачных правил работы с ЦП (включая порядок ранжирования), недискриминационного отношения к сервисам и услугам вне зависимости от их принадлежности к какой-либо отдельной платформе, недопущение использования в правилах формулировок с чрезмерно расширительным толкованием и др. Следует отметить, что эти требования эквивалентны запрету приоритизации собственных товаров/услуг в европейском DMA.

Одновременно с разработкой и принятием Принципов в России шла работа над Пятым пакетом, цель которого – адаптировать регулирование цифровой экономики к новым условиям, предупреждать и пресекать злоупотребления доминирующим положением со сто-

³³ Susan Ning, Ruohan Zhang and Weimin Wu. Key Developments in China. GCR. 25 November 2022. (<https://globalcompetitionreview.com/guide/digital-markets-guide/second-edition/article/key-developments-in-china>).

³⁴ Приняты ответные меры на ограничение доступа к российским СМИ. Роскомнадзор. 4 марта 2022 года. (<https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm>).

³⁵ Об ограничении доступа к социальной сети Instagram. Роскомнадзор. 11 марта 2022 года. (<https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74180.htm>).

³⁶ YouTube stops all monetization in Russia. Interfax. 10 Mar 2022. (<https://interfax.com/newsroom/top-stories/76184/>)

³⁷ Кодекс поведения для цифровых платформ. Пепеляев Групп. 30.12.2021. (<https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/kodeks-povedeniya-dlya-tsifrovyykh-platform-/>).

³⁸ Chinese regulators summon 34 platforms to meeting, ordering them to self-scrutinize irregularities. Global Times. Apr 13, 2021. (<https://www.globaltimes.cn/page/202104/1220928.shtml>).

роны ЦП. Данный документ вступил в силу с 1 сентября 2023, однако его подготовка началась в 2018 г.³⁹

Российский регулятор в Пятом пакете вводит новый для российского законодательства термин «сетевой эффект». Используя его, он запрещает злоупотребление доминирующим положением для ЦП, например, агрегаторам и маркетплейсам, если их деятельность соответствует качественному (сетевые эффекты дают возможность решаяще влиять на соответствующие товарные рынки) и количественным (выручка превышает 2 млрд руб. за последний год; доля сделок между продавцами и покупателями на платформе превышает 35% в стоимостном выражении от общего объема сделок на соответствующем товарном рынке) критериям⁴⁰. Также предусмотрена возможность назначить экспертизу в рамках контроля сделок экономической концентрации (участники цифровых рынков взаимодействуют с технологиями и данными, оценить которые может только эксперт)⁴¹.

Согласно принятым поправкам к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴², в России основными владельцами платформ онлайн-объявлений с суточной посещаемостью более 100 тыс. человек должны быть юридические лица или граждане РФ без гражданства другой страны. Такой подход гарантирует, что контроль над принятием решений будет иметь российский источник. Подобные требования дополняют принцип экстерриториальности антимонопольного законодательства, повышая возможности органов конкурентной политики влиять на действия ЦП. В Китае аналогичную задачу решает проект «Золотой щит».

Из межстранового сравнения положений законодательных актов и законопроектов в отношении цифровых рынков видно, что регуляторы стран мира пытаются использовать схожие инструменты:

- 1) выделение объекта регулирования на основании критериев, отличных от тех, что применяются для нецифровых компаний. Они не опираются на необходимость определять продуктовые и географические границы рынка, рассчитывать долю рынка;
- 2) разработка требований к эксплуатации пользовательских данных и их конфиденциальности, которые ограничивают рыночную власть, возникающую благодаря владению этой информацией;
- 3) регулирование слияний и поглощений с помощью инструментов, специфичных для ЦП;
- 4) конкретизация форм злоупотребления доминирующим положением, специфичных для ЦП.

Заключение

Антимонопольные органы во всем мире пытаются реагировать на вызовы времени, корректируя нормы с учетом развития цифровых рынков. Низкая результативность применения антимонопольного законодательства обуславливает необходимость новых зако-

³⁹ Пятый антимонопольный пакет впервые официально представлен на Апрельской конференции. НИУ ВШЭ. 10 апр. 2018. (<https://www.hse.ru/news/218044972.html>).

⁴⁰ Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции». Официальный интернет-портал правовой информации. (<http://actual.pravo.gov.ru/text.html#num=0001202307100016>).

⁴¹ Марьяна Матяшевская: «Регулирование не должно быть ограничено лишь транзакционными платформами». «Конкуренция и право». № 5. 2022 г. (<https://cljournal.ru/vybor/244/>).

⁴² Законопроект № 141597-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Система обеспечения законодательной деятельности. (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/141597-8>).

нопроектов. Несмотря на очевидные отличия бизнес-модели ЦП от традиционных рынков, на данный момент нет ответа на целый ряд вопросов, что представляется как вызов экспертному сообществу и законодателям. Преодолеть кризис возможно за счет выбора модели конкурентной политики: антимонопольные запреты, про-конкурентное регулирование или отдельные про-конкурентные меры. Именно они, вероятно, станут основой законодательства нового поколения.

Например, европейский DMA выступает примером про-конкурентных правил, которые ограничивают рыночную власть крупных платформ-привратников и содействуют развитию мелких конкурентов. DMA сочетает подходы ex-post и ex-ante (конкретизируя, какие действия запрещены, а какие следует выполнять) и относится к «жесткому праву» (имеет юридическую силу). К той же категории относятся регулирование в США, китайский AML и принятый Пятый пакет в России. Вместе с тем новые нормы антимонопольного законодательства могут строиться и на «мягком праве» (рекомендательный характер), о чем свидетельствуют китайское Руководство и российские Принципы.

На сегодняшний день существуют разные подходы к устранению законодательных пробелов в отношении ЦП. Выбор стратегий и инструментов зависит от преследуемых целей, они обусловлены трудностями, с которыми сталкивается регулятор в каждой конкретной стране. Однако в ситуации высокого динамизма цифровых рынков важно своевременно принимать меры – откладывать усовершенствование нового законодательства в отношении ЦП нельзя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Авдашева С.Б., Юсупова Г.Ф., Корнеева Д.В. (2022) Конкурентное законодательство в отношении цифровых платформ: между антитрастом и регулированием? // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 61–86.

Avdasheva S.B., Yusupova G.F., Korneeva D.V. (2022) Konkurentnoe zakonodatel'stvo v otnoshenii tsifrovyykh platform: mezhdru antitrastom i regulirovaniem? [Competition Legislation Regarding Digital Platforms: Choice between Antitrust and Regulation]. *Public Administration Issues*. no. 3, pp. 61–86. (In Russ.)

Голованова С.В. (2013) Проблемы ограничения конкуренции на рынках, смежных с рынками ключевых мощностей // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 110–132.

Golovanova S.V. (2013) Problemy ogranicheniya konkurencii na rynkakh, smezhnykh s rynkami klyuchevykh moshchnostey [Problems of Limiting Competition in Markets Adjacent to Key Capacity Markets]. *ZHurnal novejekonomicheskoy associacii*. no. 4, pp. 110–132. (In Russ.)

Дзагурова Н.Б., Тихонова А.В. (2021) Регулирование соглашений об узком паритете цен на многосторонних рынках // Журнал институциональных исследований. № 2. С. 116–129.

Dzagurova N.B., Tikhonova A.V. (2021) Regulirovanie soglashenij ob uzkom paritete tsen na mnogostoronnikh rynkakh [Regulation of Narrow Price Parity Agreements in Multi-Sided Markets]. *ZHurnal institucional'nyh issledovanij*. no. 2, pp. 116–129. (In Russ.)

Ерофеева Е.В., Котова Д.А., Позднякова А.Э. (2019) Многоликие антиконкурентные практики на цифровых рынках // Правоведение. Т. 63. № 4. С. 598–624.

Erofeeva E.V., Kotova D.A., Pozdnyakova A.E. (2019) Mnogolikiye antikonkurentnye praktiki na tsifrovyykh rynkakh [The Many Faces of Anti-Competitive Practices in Digital Markets]. *Pravovedenie*. vol. 63, no. 4, pp. 598–624. (In Russ.)

Коваленко А. (2016) Проблематика исследований многосторонних платформ // Современная конкуренция. Т. 10. № 3. С. 64–90.

- Kovalenko A. (2016) Problematika issledovaniy mnogostoronnikh platform [Multisided Platforms Research Problematic]. *Sovremennaya konkurenciya*. vol. 10, no. 3, pp. 64–90.
- Розанова Н.М. (2021) Конкуренция и монополия в цифровую эпоху // Общественные науки и современность. № 1. С. 63–72.
- Rozanova N.M. (2021) Konkurenciya i monopoliya v cifrovuyu epohu [Konkurenciya i monopoliya v cifrovuyu epohu]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. no. 1, pp. 63–72.
- Шаститко А.Е., Курдин А.А., Филиппова И.Н. (2023) Мезоинституты для цифровых экосистем // Вопросы экономики. № 2. С. 61–82.
- Shastitko A.E., Kurdin A.A., Filippova I.N. (2023) Mezoinstituty dlya tsifrovyykh ehkosisistem [Meso-Institutions for Digital Ecosystems]. *Voprosy Ekonomiki*. no. 2, pp. 61–82. (In Russ.)
- Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2019) Эффекты становления и функционирования многосторонних рынков: подходы к исследованию // Общественные науки и современность. № 3. С. 52–65.
- Shastitko A.E., Markova O.A. (2019) Effekty stanovleniya i funktsionirovaniya mnogostoronnikh rynkov: podkhody k issledovaniyu [Effects of Development and Activity of Multisided Markets: Approaches to Investigation]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. no. 3, pp. 52–65. (In Russ.)
- Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2020) Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. № 6. С. 37–55.
- Shastitko A.E., Markova O.A. (2020) Staryj drug luchshe novykh dvukh? Podkhody k issledovaniyu rynkov v usloviyakh tsifrovoy transformatsii dlya primeneniya antimonopol'nogo zakonodatel'stva [An Old Friend is Better than Two New Ones? Approaches to Market Research in the Context of Digital Transformation for the Antitrust Laws Enforcement]. *Voprosy ekonomiki*. no. 6, pp. 37–55. (In Russ.)
- Шаститко А.Е., Моросанова А.А., Маркова О.А. (2022) Экономика внимания: вопросы применения // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 7–24.
- Shastitko A.E., Morosanova A.A., Markova O.A. (2022) Ehkonomika vnimaniya: voprosy primeneniya [Economics of Attention: Application Issues]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. no. 1, pp. 7–24. (In Russ.)
- Юсупова Г.Ф. (2016) ФАС против Google: экономический анализ для особых рынков // Экономическая политика. Т. 6. № 11. С. 82–99.
- Yusupova G.F. (2016) FAS protiv Google: ekonomicheskij analiz [FAS against Google: Economic Analysis]. *Ekonomicheskaya politika*. vol. 11, no. 6, pp. 82–99. (In Russ.)
- Chandel S., Jingji Z., Yunnan Y., Jingyao S., Zhipeng Z. (2019). The Golden Shield Project of China: A Decade Later – An in-Depth Study of the Great Firewall // International Conference on Cyber-Enabled Distributed Computing and Knowledge Discovery (CyberC). Pp. 111–119.
- Dufková B. (2022) What Can the EU Learn from the Chinese Anti-Monopoly Guidelines for the Platform Economy Industries? Charles University in Prague Faculty of Law Research Paper No. ISSN 2336-5811.
- Jenny F. (2021) Competition Law and Digital Ecosystems: Learning to Walk before We Run // Industrial and Corporate Change. Vol. 30. No. 5. Pp. 1143–1167.
- Monti G. (2022) Taming Digital Monopolies: A Comparative Account of the Evolution of Antitrust and Regulation in the European Union and the United States // The Antitrust Bulletin. Vol. 67. No. 1. Pp. 40–68.
- Pontual Ribeiro E., Golovanova S. (2020) A Unified Presentation of Competition Analysis in Two-Sided Markets // Journal of Economic Surveys. Vol. 34. No. 3. Pp. 548–571.
- Remington T.F., Qian J., Avdasheva S. (2022) Regulating Competition in the Digital Platform Economy: Russia and China Compared // In: Problems of Post-Communism. DOI: 10.1080/10758216.2022.2117199
- Schnitzer M., Crémer J., Crawford G.S., Dinielli D., Fletcher A., Heidhues P., Scott-Morton F., Seim K. (2021) International Coherence in Digital Platform Regulation: An Economic Perspective on the US and EU Proposals. Digital Regulation Project – Policy Discussion Paper. No. 5.
- Tucker C.E. (2019) Digital Data, Platforms and the Usual [Antitrust] Suspects: Network Effects, Switching Costs, Essential Facility // Review of Industrial Organization. Vol. 54. No. 4. Pp. 683–694.

Wu C. (2022) Analysis of Anti-monopoly Issues in the Digital Platform Economy. Take China's Anti-monopoly Supervision – Concentration Review of Business Operators as an Example // In: Proceedings of the 2022 6th International Seminar on Education, Management and Social Sciences (ISEMSS 2022). Pp. 496–503.

Информация об авторах

Голованова Светлана Викторовна, доктор экономических наук, профессор кафедры Экономической теории и эконометрики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород. Адрес: 603155, Россия, г. Нижний Новгород, Б. Печерская ул., д. 25/12; ведущий научный сотрудник Лаборатории конкурентной и антимонопольной политики, Института анализа предприятий и рынков Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: svgolovanova@hse.ru

Корнеева Дина Владиславовна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и эконометрики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород. Адрес: 603155, Россия, г. Нижний Новгород, Б. Печерская ул., д. 25/12; ведущий научный сотрудник Лаборатории конкурентной и антимонопольной политики, Институт анализа предприятий и рынков Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: dkorneeva@hse.ru

Заяц София Александровна, стажер-исследователь Лаборатории конкурентной и антимонопольной политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: szayats@hse.ru

About the authors

Svetlana V. Golovanova, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Economic Science and Econometrics, HSE University in Nizhny Novgorod. Address: 603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya st., 25/12; Leading Research Fellow, Laboratory of Competition and Antimonopoly Policy, Institute for Industrial and Market Studies, HSE University. Address: 101000, Russia, Moscow, st. Myasnitskaya, 20. E-mail: svgolovanova@hse.ru

Dina V. Korneeva, Associate Professor, Department of Economic Science and Econometrics, HSE University in Nizhny Novgorod. Address: 603155, Russia, Nizhny Novgorod, Bolshaya Pecherskaya st., 25/12; Senior Research Fellow, Institute for Industrial and Market Studies, HSE University. Address: 101000, Russia, Moscow, st. Myasnitskaya, 20. E-mail: dkorneeva@hse.ru

Sophia A. Zayats, Research Assistant, Institute for Industrial and Market Studies, HSE University. Address: 101000, Russia, Moscow, st. Myasnitskaya, 20. E-mail: szayats@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.05.2023

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 22.06.2023

Статья принята к публикации / Accepted: 30.10.2023